

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ**

УДК 314.74

***А.К. Дегтярев,
Л.И. Щербакова***

***A.K. Degtyaryov,
L.I. Shcherbakova***

**КРИТИКА
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И
РЕАЛЬНЫЙ ПОИСК
СОЦИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

**CRITICISM OF POLITICAL
CORRECTNESS AND REAL
SEARCH OF THE SOCIAL
CONSENT**

В статье содержится критический анализ выдвинутой немецким общественным деятелем Т. Саррацином концепции новой миграционной политики и в более широком смысле перспектив этносоциальной интеграции. Согласно взглядам авторов статьи, российское общество в обозримом будущем, сталкиваясь с подобными проблемами, нуждается в выработке конвенции по поводу основных целей и способов социальной консолидации общества.

Ключевые слова: социальная политика, миграционная политика, национальная идентичность, мультикультурализм, политкорректность.

The article contains the critical analysis of the concept of new migratory policy put forward by German public figure T.Sarratsin and in a broader sense prospects of ethnosocial integration. According to the views of the authors of the article, the Russian society in the foreseeable future, facing similar problems, needs the development of convention concerning main objectives and ways of social consolidation of society.

Key words: social policy, migratory policy, national identity, multiculturalism, political correctness.

А.К. Дегтярев

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и психологии Южно-Российского государственного технического университета (г. Новочеркасск).
e-mail: RSE1985@mail.ru

Л.И. Щербакова

Доктор социологических наук, профессор, ведущая кафедрой социологии и психологии, проректор по образовательной деятельности Южно-Российского государственного технического университета (г. Новочеркасск).
e-mail: ngtu@novoch.ru

© Дегтярев А.К., Щербакова Л.И., 2012

A.K. Degtyaryov

Doctor of Philosophy, professor, chairs of sociology and psychology, Southern Russian state technical university (Novocherkassk).
e-mail: RSE1985@mail.ru

L.I. Shcherbakova

Doctor of sociological sciences, the professor managing chair of sociology and psychology, the vice rector on educational activity of the Southern Russian state technical university (Novocherkassk).
e-mail: ngtu@novoch.ru

© Degtyaryov A.K., Shcherbakova L.I., 2012

Книга Т. Саррацина «Германия: самоликвидация», вышедшая в 2011 г. в Германии, вызвала и скандал, и шок в правящем политическом классе. Т. Саррацин – не политический маргинал, не носитель одиозных радикальных идей, его нельзя упрекнуть в брутальном этнонационализме. Для социал-демократа идея социального государства – это и завоевание прошедшего периода развития, которым по праву могут гордиться граждане Германии, и стержень политико-правового устройства. Размышления Т. Саррацина условно можно разделить на три составляющие: во-первых, как специалист в сфере финансов, автор книги исследует и характеризует изменения в германской экономике, как экономике знания, экономике, преумножающей рост на основе высоких технологий и эффективной производительности труда; во-вторых, Т. Саррацин указывает на риски социальной политики, порождающей прекариат, социальные слои, живущие на пособия и трансферты, и не заинтересованные в самостоятельной трудовой активности; в-третьих, автор полагает, что именно социальная дистрибутивность стала привлекательной для нетрудовой, непроизводительной миграции, которая ложится тяжким бременем на немецкую экономику и делает ее перспективы мрачными.

Казалось бы, мы сталкиваемся с трендом демонтажа социального государства под воздействием глобализации и сокращения прерогатив национального государства. Позиция Т. Саррацина может быть мощным аргументом в утверждении модели социального отбора, либертарианства. Саррацин отмечает, что в условиях прекращения подъема западного мира, конечности ресурсов и тщетности обещаний социальной рыночной экономики очевидно патологическое общественное развитие. В целом автор настроен на антиутопию, хотя не обладает блестящим художественным и публицистическим даром О. Хаксли, К. Замятина. Как книга-предостережение, творение Т. Саррацина обращено к леволлиберальной части политического класса по поводу политики политкорректности, ее

несовместимости с экономическими перспективами, немецкой идентичностью и культурными традициями. Он упрекает сторонников политкорректности в лживости аргументации, отрыве от актуальных настроений в немецком обществе и непризнании провала концепции мультикультурализма.

Действительно, практически все ведущие политики Старого Света, в той или иной степени, констатируют крах модели интеграции, имеющей результатом формирование этнонациональных анклавов, компактных общностей, включенных в систему социальных трансфертов, но занимающих позицию исключения по отношению к социальным и политическим институтам, к гражданскому обществу. Серьезность отмеченной проблемы заключается в том, что массовые миграционные потоки радикально не только изменяют национальный и социокультурный состав принимающих обществ, но и создают новые очаги напряженности внутри страны, а по отношению к государственности – неопределенность в гражданско-национальной идентичности.

Являясь по убеждениям социал-либералом, Саррацин считает, что Германия все-таки должна оставаться страной немцев [1]. Для него очевидно, что нельзя цепляться за традицию и испытывать ностальгию по ушедшим ценностям, но заблуждением можно считать, что изменение культурных и демографических предпосылок не влияет на существование общественной формации. Иными словами, Саррацин ставит вопрос о перспективах Германии как национального государства, как нормативной модели социологических, религиозных и экономических условий, находящихся в постоянном взаимодействии с действующими нормами и формами поведения в обществе. Для него глобализация осуществляется в национально-государственных и региональных контекстах, и организационные формы являются способом воспроизводства легитимации целостности политики, культуры и экономики. Создается впечатление, что германский политик видит в немецком государстве условие экономического процветания и экономической стабильности. Прямым образом он говорит, что абсолютной спекуляцией можно считать манипулирование немецкой исторической виной, что те, кто не допускают немецкий патриотизм дальше «футбола и пивной», преднамеренно или непреднамеренно обезоруживают общество перед реальными вызовами. Глобализация для Саррацина не является процессом неконтролируемой миграции, изменения в демографическом составе населения влияют на интеллектуальный потенциал, уровень образования и квалификации.

По этим критериям немецкая миграционная политика оказывается привлекательной не для отличников учебы чужих народов, а преимущественно для сельских жителей из скорее архаичных общин, где они стояли на нижних ступенях социальной – равно как и образовательной – лестни-

цы [2]. В качестве позитивной альтернативы Саррацин взывает к опыту США, Австралии, привлекающих лучшие умы и высоких профессионалов. Правда, в стремлении отмежеваться от обвинений в национальном изоляционизме и мигрантофобии, Саррацин, мягко говоря, игнорирует реальные проблемы, связанные, во-первых, с утратой американской идентичности, о чем писал С. Хантингтон в книге «Кто мы?»; во-вторых, со сложностью культурно-языковых и социальных диспропорций, возникающих в процессе нарастания миграционного потока из стран Латинской Америки.

Логика рассуждений Т. Саррацина основывается на признании объективности миграции, тем более для такой страны с негативными социально-демографическими тенденциями, как Германия, хотя идеальными по критерию интеллектуального развития ученый считает национально однородные общества (Корея, Япония, Финляндия). Но так как Германия – страна с длинной миграционной историей, закономерным является обращение политика к качеству миграционных волн и потоков. Вполне, в соответствии с заданностью критерием интеллекта и образования Т. Саррацин в негативных коннотациях характеризует мигрантов из исламских сообществ. Вероятно, на его позицию влияют и модный тренд исламофобии (вспомним, политические игры бывшего французского президента Н. Саркози), и существование в Германии значительной турецкой диаспоры, и, главное, – культурные, семейные, социально-бытовые традиции исламских общин, ориентирующие на неприятие и отторжение политико-правовых и культурных норм параллельно с процессом обособления, создания архаичных структур саморегуляции и самоорганизации.

Социальная политика, поддерживаемая леволибералами, построена по формуле «исключительного права», толерантности, понимаемой в качестве не просто сохранения своей культуры [3], а безусловного признания права исламских общин на превосходство собственного социально-поведенческого и культурного кода вне системы обязательств по отношению к немецкому обществу и государству и интеграции в социальную и политическую жизнь.

Примечательно, что Саррацин не разделяет ислам и исламизм: он весьма критически относится к евроисламу, модели интеграции исламской культуры в европейские секулярные ценности. Подчеркивая архаичный, антимодернизационный характер исламской доктрины, не пережившей период Реформации и Просвещения, Саррацин делает вывод о принципиальной неререформированности ислама, ссылаясь при этом на интеллектуалов, выходцев из мусульманской общины. Только разрыв с религиозно-культурной традицией, мягкое принуждение к социализации, начиная с детского сада, дают надежду, что прекратится порочный цикл самоизоляции и нарастающей социальной агрессивности. Формулируемая пози-

ция исходит из невозможности добиться положительных результатов в миграционной политике, отрицая наследие модерна, национальное государство, универсальность прав человека, лояльность современным политическим институтам.

В этом смысле Саррацин в одинаковой степени входит в конфликт и с неомарксизмом (Э. Балибар, И. Валлерстайн, А. Вивьёрка), и с политическим постмодерном (У. Бек, З. Бауман, Ж. Бодрийар). Неомарксисты могут охарактеризовать взгляды Саррацина культурным расизмом, постколониальным дискурсом. Для постмодерна Саррацин является носителем неоконсерватизма, использующего миграционную проблему в целях запрета на практики субполитик и расширение сферы неполитического. Вероятно, Саррацин видит толерантность национальных государств, для которых равенство в гражданских правах и обязанностях влечет отнесение религии, культуры и истории к сфере частной жизни [4]. Для него также важно рассматривать миграционную политику в связке с национальными интересами. Так, что выстраивается логичная система доказательств, определяемых сохранением национального государства и национальной идентичности. Если проект мультикультурализма вносит хаос и нестабильность в общественную жизнь, ведет к экономическому отставанию и заставляет общество испытывать страхи по поводу своего будущего, есть смысл придать модели интеграции обязательность, не стесняться обвинений в нарушении принципов политкорректности через вмешательство в воспитание детей, положение женщины, профессиональный выбор, чтобы гарантировать, по крайней мере, сохранение завоеванных в течение предыдущих десятилетий достижений в экономике и политике.

Однако, являясь квалифицированным экономистом, Саррацин демонстрирует склонность к увлечению сомнительными схемами исламофобии и стигматизации, когда в стремлении последовательно выразить свои взгляды смешивает терроризм, безработицу, криминал и дискриминацию женщин. Ассоциируя проблемы интеграции мигрантов в немецкое общество с преодолением исламской традиции, Саррацин невольно солидаризируется с ультра националистами, и аргументы архаичности и антимодернизационности ислама, противоречащие как успешности экономического роста в рамках умеренной исламской модернизации (Турция), так и многообразию исламской культуры, внесшей вклад в развитие мировой цивилизации, в данном аспекте оказываются несостоятельными.

Можно сказать, что Саррацин демонстрирует некомпетентность и в знании культурного наследия ислама, и культурно-национальных традиций. Его неприятие мигрантских кварталов, быта и уклада жизни обитателей объяснимо с точки зрения немецкого или иного европейского обывателя, но как общественный деятель, он обязан осознавать опасность исламофобии как идеи национального развития. Отводя ми-

грантам с исламской традицией роль «чужих» в немецком сообществе, Саррацин обесценивает предлагаемые им изменения в миграционной политике, хотя бы потому, что они будут восприниматься как заведомо дискриминационные и репрессивные по отношению к значительной части немецкого общества.

В немалой степени позиции Саррацина характеризуют сдвиг в настроениях немецкой политической и деловой элиты, консолидируя разнородные мнения. Так, либертаристам импонирует модель социального отбора, реализация которой в социальной политике государства имела бы последствием замещение конституционных принципов, на защите которых настаивает Саррацин. Ужесточение требований к мигрантам из мусульманского мира влечет применение стандартов ограничения и к другим категориям получателей социальных трансфертов. Убеждая немецкое общество в безальтернативности «экономичной» и избирательной социальной политики, экономист обосновывает положение об освобождении государства от излишней социальной опеки. Саррацин, не рискуя прослыть ревизионистом, выступает за свободу миграционных потоков, уверяя, что «мы рады каждому, кто приедет и останется» [5]. Его не устраивает качество миграции, но Саррацин явно впадает в утопизм, когда искренне заявляет, что для Германии желательны образованные специалисты. По этому поводу можно сказать, что современная миграция является миграцией «бедных и необразованных», людей, которые в основном не по политическим, а экономическим мотивам делают миграционный выбор. С. Хантингтон писал, что в отличие от космополитичных элит мигрантское большинство обладает качеством полуселенцев, сохраняющих нативный уклад жизни и часто обесценивающих американское гражданство [6].

Таким образом, Саррацин явно обращается не по адресу, когда ссылается на американский положительный миграционный опыт. Его можно «понять»: если принципы политкорректности и мультикультурализма беспомощны в осуществлении интеграции, это значит, что отсутствует возможность альтернативной системы социальных и гражданских ценностей, так как современное европейское сообщество кризисное и признаки патологии проявляются в угасании духа, отказе от семейных ценностей, утрате этики трудовой деятельности и исторического сознания. Отрицая право мигрантов на субнациональную идентичность, на связь с культурной традицией, Саррацин не желает признавать, что в немецком обществе христианская религия перестала быть институтом социализации, что секуляризация, на которую указывает в качестве положительного момента Саррацин, дошла до критической точки дехристианизации. Европейское сообщество не может вести диалог с мигрантами в контексте морально-этических принципов. Если основной причиной нарастающих конфликтов считать «наступательность» ислама, то подобный аргумент

едва ли является убедительным в условиях провозглашения толерантности как фактического состояния «индивидуализированного» общества.

Саррацин, несмотря на детальный и часто кропотливый подбор социальной статистики, редуцирует многообразие миграционной проблематики к исламской системе ценностей как основному препятствию разделения мигрантами западноевропейской системы ценностей [7]. Можно согласиться с ним в том, что ассимиляция потерпела крах, и дело не в наивности европейцев, а в том, что мигранты обладают потенциалом национально-культурной самобытности и стремятся к созданию своего социального микропространства. Несомненно, Саррацин может привлечь симпатии рассуждениями об изменении подхода к политкорректности через переложение требований принимающего общества на политический язык или язык морали [8]. Но для осуществления такого поворота необходимо выйти за пределы технократизма и опираться на опыт культурного и морального диалога, невозможного в немецком обществе по причине морального и духовного упадка.

Вероятно, Саррацин понимает, что в сложившихся проблемах есть «вина» и немецких граждан: охваченные настроениями консьюмеризма и досуга, или на мигрантов была негласно переложена ответственность возмещения демографического дефицита, восполнения трудовых ресурсов и поддержки социальной политики. При этом подразумевалось, что терпимость сохраняется в условиях обозначенных и общепринятых отношений господства и подчинения. Иными словами, мигранты, несмотря на оговорки в духе политкорректности, воспринимаются как бессубъектная социальная группа, зависимая от политической воли принимающего общества и собственной готовности «испытывать» благодарность к тем, кто дал «приют и пищу».

Однако демографический рост, консолидированность мигрантов на основе культурно-религиозной традиции, недоверие к политическим институтам, которые не обеспечивают равенство возможностей, а предоставляют только равенство безвластия, способствуют росту самоопределения мигрантов в качестве автономной социальной и политической силы и, главное, представительства интересов на основе формирования общественных движений, делающих ставку на политику и компромиссов, и давления.

В этом смысле книга Т. Саррацина вводит читателя в заблуждение: представление о несозидательной мигрантской массе свойственно обывательскому мнению, но не с лучшей стороны характеризует представителя правящего класса. Политический деятель не должен отдавать себя в плен эмоций и демонстрировать когнитивный диссонанс, утверждая, с одной стороны, нерушимость политических и социальных прав, а с другой – ущемление прав целых групп населения. Думается, что, преследуя двоя-

кую цель ужесточение миграционной политики и рационализация социальных трансфертов, Саррацин попадает в ловушку исключения. Речь идет о том, что обвинение сторонников политкорректности как лживых и недалководидных политиков производит эффект «бумеранга»: являясь представителем немецкой элиты, Саррацин разделяет ее коллективную ответственность за сложности интеграции и не может быть в стороне от рисков и угроз экономического и финансового кризиса, охватившего Европу.

Критическое рассмотрение книги Т. Саррацина, на наш взгляд, представляет возможность для формулирования перспектив российской национальной идентичности и вариантов реализации миграционной политики. Особенностью России является то, что, занимая позиции принимающего общества, национально-государственная идентичность находится в стадии неопределенности: в условиях социальной поляризации стратификационные эффекты накладываются на этнические и культурные различия и появляется соблазн использовать миграционную проблематику для ухода или перевода в этноконфликтное состояние реальных социальных напряженностей. В российской общественно-политической жизни обозначилась тенденция радикализации этнонациональных отношений, которая, на наш взгляд, определяется, с одной стороны, неудовлетворенностью россиян основными показателями качества жизни и возникающих на этой основе фобий по поводу этнонациональной стратификации статуса тех или иных этнонациональных групп, а с другой – меркантилизмом миграционной политики, ее кратковременной конъюнктурностью и желанием при помощи «дешевого труда» мигрантов обеспечить уход от социальной ответственности.

Не случайно автор предисловия к книге Т. Саррацина А. Кох, известный как идеолог приватизации 90-х годов, воздает должное усилиям Саррацина по оправданию демонтажа социального государства. Характеризуя политкорректность как «тюрьму разума», А. Кох в реальности беспокоится не о проблеме сохранения национальной идентичности в условиях старения и сокращения этноса, как он об этом заявляет [9]. На наш взгляд, основным мотивом рассуждений Коха является критика социального милосердия, а точнее, легитимация социальных неравенств в российском обществе в контексте генетической и культурно-исторической обусловленности.

Для нас важно, чтобы книга Т. Саррацина стала серьезным поводом для размышления о путях формирования российской государственности, национальной и миграционной политики, влияющих на социальное самочувствие россиян и состояние интегрированности российского общества. Так как очевидны попытки сделать респектабельными националистические и антиисламистские тренды ссылкой на аргументацию Т. Саррацина,

необходимо подчеркнуть, что в этнополитическом аспекте российской жизни существуют два самостоятельных разграничения. Есть реальные проблемы этнонациональной дистанцированности внутри российского общества и проблемы, связанные с нерегулируемыми миграционными потоками.

Относительно первой вышеуказанной проблемы можно отметить, что российский правящий класс не достиг согласия с обществом по целям, способам и правилам межнациональных отношений. Ясно, что советская модель интернационализации уже не работает в условиях рыночных и демократических институтов, попытки ее возвращения имитационны, так как выросли новые поколения, ориентированные на идеал социальной справедливости в меритократическом значении как права каждого человека, независимо от этнонационального и социального статуса, этноконфессиональной идентичности, а также на развитие и реализацию индивидуальных возможностей и способностей. Также следует рассматривать исламскую традицию как органическую часть российского социокультурного пространства и в этом отношении предельно корректно оценивать различия ислама и исламизма.

На наш взгляд, есть определенные сомнения в целесообразности со стороны государства интеграции религии как социального института в систему государственно-политических отношений. Возможно, представленное рассуждение покажется риторическим, но светское российское государство должно с уважением относиться к нуждам и потребностям традиционных конфессий, но при этом не нацеливать на участие в решении тех проблем, которые являются приоритетами государства, особенно в сфере межнациональных отношений. В этом значении исламская традиция может иметь позитивное значение для бережного отношения к культурно-историческому наследию, доверию в межкультурном диалоге народов России, в поиске с представителями других конфессий путей социального и духовного обновления. Если же ислам используется как маркер национально-этнических различий или становится отправной точкой для реализации проектов пантюркизма, панисламизма, мы обязаны не просто констатировать формирование суперэтнической религиозно-культурной общности [10], а обязаны включить исламскую традицию в фактор возрастания роли России в мировом сообществе и формирования российской гражданской идентичности как матрицы плодотворного диалога и сосуществования народов.

Миграционная политика, и в этом отношении книга Саррацина поучительна, должна быть направлена на социальное развитие российского общества. Формулируемые стандарты интеграции мигрантов (правовая, культурно-языковая компетентности) своевременны, но интеграционные программы, как показывает опыт Германии, часто затратны и неэффек-

тивны, если не учитывают риски анклавизации, если не имеют потенциал нейтрализации и социальной и культурной маргинальности. Вместе с тем, тем более нельзя подводить эти проблемы под исламский дискурс. Изъяны российской миграционной политики во многом связаны с коррумпированностью в системе государственных органов, практикой обращения к диаспорам как к коллективным субъектам, что противоречит идее гражданской интеграции.

Российский исследователь С.Г. Ильинская обоснованно отмечает, что мышление в духе коллективных прав ущербно [11], так как ведет к репрессивной коллективной ответственности или, напротив, к приватизации публичного пространства представителями меньшинств. Памятуя о недопустимости предоставления особых коллективных прав, мы должны осознавать, что сфера межнациональных отношений может быть только пространством обсуждения и согласия, формулирования концепта взаимных прав и обязанностей в едином политико-правовом и культурно-информационном пространстве России. В российском обществе существует актуальный запрос на диалог общества и власти по явно назревшим проблемам общественной жизни, что важно – чтобы от представителей правящей элиты исходили импульсы социальной консолидации, а не вероятных социокультурных расколов, содержащихся в выводах Т. Саррацина.

Примечания:

1. *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. М., 2012. С. 22.
2. Там же. С. 55.
3. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000. С. 50.
4. Там же. С. 41.
5. *Саррацин Т.* Указ. соч. С. 343.
6. *Хантингтон С.Ф.* Кто мы? М., 2004. С. 344.
7. *Саррацин Т.* Указ. соч. С. 233.
8. *Уолцер М.* Указ. соч. С. 59.
9. *Саррацин Т.* Указ. соч. С. 10.
10. *Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии. М., 2010. С. 270.
11. *Ильинская С.Г.* Толерантность. М., 2007. С. 221.